

ма знаний о политической жизни, но и обучение их умению «размышлять коллективно и критически о политике».

Б. Барбер и многие другие сторонники «гражданской миссии» университетов убеждены в том, что реформа должна затрагивать не только содержание учебных программ, но и обучать студентов демократическому мышлению, укреплять их ощущение причастности к обществу – начиная от участия в жизни студенческого сообщества, широкого самоуправления студентов в университетских городках, проектах коммунальных служб и т.п.

Сложные задачи в этом аспекте стоят перед системой образования в Украине. Она должна, с одной стороны, отойти от идеологизации образования и навязывания взглядов, как это было в прошлом, а с другой – позаботиться о формировании гражданина, способного принимать участие в политической жизни, укреплять и развивать демократию. Обучение демократии, формирование гражданской ответственности – это процесс, который продолжается на протяжении всей жизни. Но очень ответственными в этом плане являются студенческие годы.

Украинская «Национальная доктрина развития образования», «Закон о высшем образовании» имеют целью реформирование деятельности вузов в соответствии с требованиями времени, среди которых – достижение большей профессионализации образования, высвобождение времени студентов для самостоятельной работы, а в перспективе – и большая свобода выбора образовательных дисциплин. В связи с этим уменьшается аудиторная нагрузка на студентов, что может отразиться, прежде всего, на дисциплинах гуманитарного и обществоведческого цикла. Избежать заложенного здесь противоречия можно путем переориентации на междисциплинарные, максимально приближенные к жизни курсы, например, «Основы демократии».

Изменений мы ожидаем не только в содержании образования, но и в отношениях между преподавателями общественных наук и студентами, которые в государственных университетах преимущественно носят авторитарный характер и не содействуют формированию у молодых людей самостоятельности, ответственности за свою судьбу и за судьбу общества. Новые методы интерактивного обучения должны стать средством донесения студентам информации об основах демократии, что поможет им сделать сознательный шаг на пути к гражданской зрелости.

В целом, развитие сотрудничества Украины и России будет способствовать внедрению европейских норм и стандартов в образовании, науке и технике, более широкой презентации собственных образовательных достижений, а также повышению в обеих странах европейской культурной идентичности и интеграции в общеевропейскую интеллектуально-образовательную и научно-техническую среду.

ИСТОРИЯ РОССИИ В ВУЗАХ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Константин Ячменихин (Украина)

В советской системе подготовки кадров историков-исследователей сложилась весьма парадоксальная ситуация: в ведущих университетах страны (Московском, Ленинградском, например) существовал негласный запрет на исторические исследования, связанные с национальными окраинами, а на местах, как правило, изучали региональную историю. Исключения не составляли даже аспиранты, выезжавшие из периферийных вузов в столичные по так называемым целевым направлениям, – они также разрабатывали исключительно региональные сюжеты. В итоге – отсутствие специалистов по общеимперским и общесоюзным вопросам на местах, и наоборот – отсутствие специалистов (со знанием языка) по истории национальных окраин в центре.

Постсоветский период развития наших государств убедительно доказал ошибочность такого подхода к изучению истории друг друга. Только в последние годы наметились позитивные сдвиги в решении данной проблемы. Однако и здесь не обошлось без крупных просчетов. Так, например, в Российской Федерации центр по изучению истории Украины организован не на базе Института российской истории, что было бы более логичным, а на базе Института славяноведения, задачи которого лежат в плоскости изучения славянских народов, не входивших в состав Российской империи. В Украине ситуация складывается еще хуже: в стране отсутствует не только академический центр по изучению истории России, но и такой необходимый для страны академический институт, как Институт всемирной истории. Отдел, изучающий проблемы всемирной истории, существует в Институте истории Украины НАН Украины, однако он не в силах решить такие сложные и обширные задачи.

Зачастую избавление от сложившихся исторических мифов приводит к созданию новых. На мой взгляд, это связано с тем, что методологическая парадигма как в российской, так и украинской новейших историографиях, практически не изменилась. Поиск врага продолжается. Если раньше он определялся классовыми критериями, то теперь – этническими. Только этим можно объяснить нулевой результат межгосударственной комиссии по упорядочиванию школьных учебников по истории, созданной на базе Института всеобщей истории РАН и Института истории Украины НАН Украины. Плюс откровенные «фобии», которые «прижились» в наших историографиях. Все это не может способствовать конструктивному межгосударственному диалогу и, естественно, не идет на пользу демократизации государственного и общественного строя ни в России, ни в Украине.

Крайне мало наши академические институты и университеты проводят конференций, симпозиумов, семинаров, посвященных истории наших стран, состоянию историографий и научного обмена в данной области. Как это не покажется странным, но такие конференции, посвященные вопросам изучения истории России в Украине, и наоборот, регулярно проводятся (раз в два года) только на базе исторического факультета далеко не ведущего в нашей стране Черниговского государственного педагогического университета. В мае 2008 г. планируется проведение уже IV Международного семинара: «Российская империя в исторической ретроспективе».

Остаются неразработанными некоторые методологические вопросы так называемых разделенных историй. Насколько мне известно, в современной российской историографии существует принцип: все, что происходило на территории досоветской России или СССР, подпадает под гриф «отечественная история». Такой же методологический принцип применяется и в современной украинской историографии: все события, происходившие в границах современной Украины, квалифицируются как явления украинской истории. Ошибочность такого механического подхода можно проиллюстрировать следующим примером. Один из моих аспирантов защищал диссертацию по истории Слободско-Украинских военных поселений. Диссертант и научный руководитель исходили из принципа: поскольку военные поселения – это явление общеимперское, то и Слободско-Украинские поселения, являясь частью данного явления, следует отнести к истории России. Во время защиты диссертации прозвучали замечания, что поскольку эти поселения были расквартированы на территории Слободско-Украинской губернии, то они должны рассматриваться как часть истории Украины. И таких примеров можно привести множество.

Одной из значительных нерешенных проблем до сих пор остается проблема о взаимном признании дипломов кандидатов и докторов наук, а также аттестатов доцентов, старших научных сотрудников и профессоров. Как следствие, усложняется обмен научными кадрами, а также подготовка специалистов по узким направлениям из Украины в вузах и академических институтах Российской Федерации, и наоборот. Тем более что требования ВАК обеих стран к диссертационным исследованиям, в принципе, идентичны.

Очень затруднен обмен научной информацией, особенно на уровне монографий, поскольку они, как правило, издаются малыми тиражами. Дело часто доходит до курьезов: ни в РАН, ни в НАН Украины до последнего времени не знали, что в обеих странах регулярно проводятся симпозиумы по вопросам аграрной истории. А кому, как не ученым, должно быть известно, что научная автаркия или ее однобокая ориентация не способствуют развитию любой науки.

В последнее время в наших государствах начинает активизироваться изучение истории стран-соседей. Одним из ведущих специалистов в России по ис-

тории Украины является А. Миллер. В Украине историю России изучают А. Каплин, Е. Зинченко, автор настоящей статьи и другие. В ряде ведущих украинских университетов функционируют кафедры истории России, которые проводят значительную работу по ее изучению и преподаванию соответствующих курсов и спецкурсов. Есть надежда, что социальный заказ в наших странах несколько изменится и вызовет к жизни необходимость непредвзятого изучения прошлого своего соседа.

К тому же проблема научного (а не эмоционального) изучения истории продолжает оставаться весьма актуальной. На исследовательскую стратегию и концептуальные решения огромное влияние продолжают оказывать идеологические и политические убеждения. Проблема эта не нова, и полностью ее устранить никогда и никому не удастся. Это аксиома. Однако уважающие себя историки обязаны, на мой взгляд, сохранять (насколько это возможно) как можно большую дистанцию между своим ремеслом и современным политическим дискурсом. Историк-исследователь (настоящий приверженец научного, а не конъюнктурного подхода) не должен обслуживать политический заказ. История не может служить оправданием дурной политики, а разумная политика не нуждается в исторических аргументах.

Сказанное вовсе не означает утопического призыва полностью отрешиться от окружающего нас мира и «запереться в башне из слоновой кости». Речь идет о том, что именно историк должен, по словам А. Миллера, заботиться о том, чтобы инструментальное отношение к истории было насколько возможно ограничено. Мне очень импонируют слова известного львовского историка Л. Зашкильняка: «Воспитывать патриотизм можно только исторической правдой». К сожалению, для многих как российских, так и украинских исследователей она остается весьма разной. Вследствие этого на место устаревших исторических мифов приходят новые, которые не красят ни науку, ни их авторов.

Поэтому необходимо констатировать, что сегодня во многом общая для двух государств история нас не объединяет, а разъединяет. И пока не будут решены очерченные выше проблемы, мы не добьемся положительного результата в данной сфере.